

УЧЕНИЕ О СВЯТОЙ ТРОИЦЕ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ТРАДИЦИИ

М.Н. Громов

Тема статьи обращена к эпохе Древней Руси как наивысшему духовному взлету в отечественной истории и культуре. Восточнославянские страны переживают сейчас вторую христианизацию, и показательно, каким образцам подражают создатели вновь возводимых храмов, иконописи и фресок, которыми эти храмы украшаются. Они подражают не тяжеловесной академической живописи XIX века, не куртуазной живописи XVIII, не пестровой – XVII, а высокой вдохновенной живописи эпохи Андрея Рублева, Даниила Черного, Дионисия и следовавших им иконописцев. Это эпоха наивысшего духовного подъема, и мы к ней всегда будем обращаться. Заметим, что и для Запада эпоха Средневековья тоже является вершиной духовного взлета, о чем напоминают величественные готические соборы, стоящие в центре старинных европейских городов, и мощный органнй звук, который есть вознесение ко Господу, и те многоцветные витражи, сквозь которые струится небесный цвет. Поэтому для нас важно обращение к Средневековью, хоть оно было жестоким, суровым временем. Но чем большая суровость была с одной стороны, тем большее милосердие, духовность, сострадание были с другой.

В свое время известный философ Лев Шестов в книге «Афины и Иерусалим», изданной в 1938 году, противопоставил два центра древнего мира: Афины как центр античной цивилизации эллинского типа мышления – и Иерусалим как сакральную столицу Восточного Средиземноморья. Шестову казалось, что их нельзя совместить, они никогда не сойдутся – два столь разных мира. И во многом он прав. Но Византии и христианству в целом удалось осуществить сей синтез. Синтезом религиозного откровения Востока, который мы видим в Ветхом Завете, и высокого философского мышления Запада, которое мы видим в эллинской философии, стал Константинополь.

Надо вместе с тем оговориться, что греческая культура не является чисто западной. Это культура, возникшая на перекрестке цивилизаций. Древние греки были аргонавтами не только в поисках материальных ценностей, они были и духовными аргонавтами, которые приобщались к достижениям всей восточно-средиземноморской ойкумены, творчески перерабатывая и умело используя их.

Учение о Троице является одним из достижений христианской богословской и философской мысли. Оно возникло не сразу и не случайно. Если мы обратимся к истории культур многих народов, то увидим, что число три – представление о триадичности, трихотомичности, тройственности бытия – присутствует во многих культурах. По существу, это архетипическое число, которое можно обнаружить всюду, в том числе в нашем поведении, в нашем мышлении, в наших попытках объяснить мир, построить какую-либо теорию, обрести устойчивость. Если единица, единое, представляет нам мир как нерасчлененное целое, что есть первичное восприятие мира, а два – бинарность, дихото-

мия, двоичность, парность разделяет мир и строит систему оппозиции, внутри которой мы осмысливаем взаимодействие двух частей единого, то триада представляет собой оптимальное представление о множестве, сведенное к троичности; и если оно обращено к единице – это множество, в котором единое и множественное присутствуют вместе. Говоря словами древнерусских авторов, перед нами «треножник мысленный». Он позволяет упорядочивать духовное, интеллектуальное, информационное пространство, как треножник реальный является опорой для реальных вещей.

Христианское мышление подняло осмысление тринитарности бытия на высший, как мне представляется, уровень. Нечто подобное мы видим и в отношении других близких, важных и дорогих для христианского сознания смыслов и обозначений. Например, крест в истории мировой культуры был и до христианства, но только в христианстве он поднят на такую высоту. Жертва, понятие жертвы тоже были до христианства во многих религиях. Но жертва искупительная и спасительная, как она представлена в христианстве, является высшим выражением жертвы вообще.

Таким образом, учение о тринитарности, которое мы видим во многих культурах, в том числе и в Ветхом Завете, получило свое развитие в Новом Завете. То, как в Ветхом Завете пробивается идея тринитарности, как она присутствует у древних библейских пророков, равно как у античных мыслителей, как идея тринитарности постепенно возрастает, можно увидеть уже в Ветхом Завете. В книге Бытия Ной и три его сына – Сим, Хам, Иафет – составляют единое человечество, согласно библейской интерпретации мировой истории.

Первоначальная концепция древней историософии распространилась на будущее время. Принцип тринитарного деления цивилизаций, выделения трех стадий их развития, выделение трех причин их существования и подобные объяснения будут постоянно присутствовать в христианском самосознании вплоть до учений XIX–XX веков. В той же книге Бытия мы читаем о явлении Аврааму трех Ангелов – явлении, которое стало сюжетом ветхозаветной Троицы, о чем еще будет идти речь. В Исходе читаем: в третий месяц по исходе из Египта вышли евреи к горе Синайской; на третий день взшел Моисей на гору Синай для получения заповедей Закона. Когда же оплакивали Моисея сыны Израилевы, это продолжалось тридцать дней. Подобные представления о триаде и ее модификациях мы постоянно встречаем в Ветхом Завете. Не будем касаться Нового Завета, поскольку примеры оттуда и сам главный догмат христианства, и постоянное воспроизведение Святой Троицы не нуждаются в пространных объяснениях и подтверждениях.

Что касается почитания троичности на Руси, то первым храмом во имя Святой Троицы стал собор в Пскове. По-разному рассказывают о его строительстве, приписывают его блаженной княгине Ольге, хотя иногда сомневаются в столь ранней датировке храма, но не будем сейчас обращаться к эмпирическим данным истории. Главное, что в мистическом плане осияние Троицей Северной Руси представляло собой важнейший факт, который повторится потом в

XIV веке. Еще один храм во имя Троицы был возведен в Гledenском монастыре под Великим Устюгом, небольшим городом нынешней Вологодской области, процветавшим в допетровское время.

В XIV веке тема Троицы становится одной из важнейших, если не важнейшей, в Московской Руси. Наилучшим письменным свидетельством почитания Троицы является житие преподобного Сергия Радонежского, написанное Епифанием Премудрым. Прочитаем несколько строк из него: «Слава Богу за все и за всяческие дела, за которые всегда прославляется великое и трисвятое имя, которое вечно прославляемо! Слава Богу вышнему, в Троице славимому, Который упование, свет и жизнь наша, в Которого мы веруем, ради Которого мы крестились, Им мы живем, и движемся, и существуем!» Три раза прокричал младенец в утробе матери, и иерей Михаил сказал, что ребенок будет избранным сосудом Бога, обителью и слугой Святой Троицы. Далее автор восклицает: «Везде ведь число три является началом блага и поводом для троекратного возвещения». Трижды Господь к Самуилу-пророку воззвал, тремя камнями из пращи Давид Голиафа поразил, три дня и три ночи Иона-пророк внутри кита находился, в тридцать лет Христос был крещен Иоанном в Иордане, трех учеников поставил на Фаворе и преобразился перед ними, через три дня из мертвых воскрес. После исторической аргументации Епифаний обращается к онтологической: «Что же я говорю о числе три и не вспомню о более величественном и страшном – о Троице Божестве, в трех святынях, в трех образах, в трех ипостасях, в трех Лицах Единое Божество Пресвятой Троицы»¹. Интересно, что, как бы повторяя древний сюжет, у отца преподобного Сергия, Кирилла, было три сына – Стефан, Петр и Варфоломей; последний принял имя Сергия.

Понятие о Троице реализовалось в монастырском делании, в служении Отечеству, в строительстве обителей. Но мы более знаем об изобразительном, иконном отражении образа Троицы. Речь идет о знаменитой «Троице» Андрея Рублева, которая, к счастью, дошла до нас: она была закрыта поздними записями, окладами, но вновь обретаена в начале XX века. В данном произведении гармонично и гениально соединяются высокое духовное, богословское, философское, эстетическое начала. На иконе изображено таинство Евхаристии и показан образ мироздания. Если обратиться к этому иконному образу (как мне кажется, лучшему визуальному изображению не только в православии, но и в христианстве догмата о Святой Троице), то можно увидеть, насколько глубоко, содержательно и совершенно творение великого мастера.

Мы видим круглящуюся композицию. Это образ мироздания, сферичность которого обосновывали еще древние греки. Мы видим образ чаши, который проступает в центре композиции. И сама чаша, таинство Евхаристии, представлена на столе. Ангел слева символизирует Саваофа, Бога-Отца. Над ним изображен дом, град. Это не просто архитектурная кулиса – дом Авраама, который принимал трех Ангелов, но символическое изображение домостроительства Божия. Дом, храм, град предстают в средневековой семантике как символы организованного, упорядоченного, сакрализованного бытия. Потому так пре-

красны средневековые города – и древнерусские, и западноевропейские, несущие в себе сакральный образ, какой мы созерцаем на гравюрах и иконах.

В центре композиции – Спаситель, Бог-Сын, Божественный Логос. Над Ним Его символ – древо. Это тоже древнейший архетип, древо жизни, древо познания в Ветхом Завете, крестное древо в Новом Завете. А справа мы видим Святого Духа, Духа-Утешителя, Параклита, символом Которого является гора. Восхождение вверх, к небу, горе, как говорили в Древней Руси, есть восхождение от дольного к горнему, от земного к небесному, от низшего к высшему. Таково вкратце содержание «Троицы», о которой написано много работ, прекрасных исследований богословов, искусствоведов, историков.

Раскрытию глубокого богословского содержания «Троицы», развитию данного образа предшествовало чисто иллюстративное изображение, которое мы видим в более ранних иконах, где в основном акцентировалась сцена явления Аврааму и Сарре трех Ангелов, как одна из иллюстраций ветхозаветной истории. У Рублева было много подражателей, в творчестве которых заметна девальвация данного образа. Она выражалась в том, что вместо простого стола, где стоит единственная евхаристическая чаша, появлялся стол со многими угощениями и посудой. Вместо трех символов, соответствующих трем Ипостасям Единого Божества, появлялись различные изображения, которые затемняли и закрывали главный смысл. Поэтому, если рассматривать сюжет ветхозаветной Троицы в целом, от возникновения до нашего времени, мы не можем не признать, что рублевская «Троица» – подлинная вершина отображения троичного Божества в эстетической, визуальной, символической интерпретации.

Кроме Троицы ветхозаветной, в древнерусском искусстве широко представлена и Троица новозаветная, где Отец изображался в виде почтенного старца, Сын – в виде средовека, говоря по-древнерусски, а Святой Дух – в виде голубя. Есть различные конфигурации данной композиции: и в виде равнобедренного треугольника, и вертикально расположенные – подобная композиция называется «Отечество». В русском высоком иконостасе до XVI века эта икона помещалась в самый верхний праотеческий ряд, где изображены праотцы: Адам, Ева, Ной и другие, от которых начиналась земная история, история человечества. И здесь присутствует, прообразуя весь будущий ход мировой истории, образ новозаветной Троицы. Есть и другие подобные сюжеты, не буду подробно на них останавливаться. Есть Троица с деяниями, до двадцати пяти клейм по периметру иконы, где изображаются сцены от творения земли согласно книге Бытия до поражения Содома и Гоморры как богопротивных, богомерзких городов. Присутствует изображение трех чаш на столе, есть изображение среднего Ангела с приподнятыми крыльями, есть диагональное изображение стола в виде гробницы и внизу – отражение апокрифа об оживлении Тельца как прообраза будущего Воскресения Спасителя. Впечатляющий образ новозаветной Троицы был создан, уничтожен и ныне возрожден под куполом Храма Христа Спасителя в Москве.

Хотелось бы сказать несколько слов о высоком древнерусском иконостасе, в котором образ Троицы занимает одно из центральных мест. Если западный латинский гений дал «Сумму теологии» святого Фомы Аквината как вербальное отображение христианского вероучения, то его высшим выражением в визуальном, эстетическом плане, своеобразной православной «суммой теологии» является высокий иконостас. Это отмечают и западные исследователи, в частности Конрад Онаш². В иконостасе, который предстает перед человеком, входящим в храм, изложены не только основные принципы христианского вероучения, но и вся человеческая история от праотцов, пророков до евангельских событий, до будущего предстояния (в деисусной композиции) на Страшном Суде и вплоть до местного ряда, который находится в самом низу. Эта концентрация в одном сразу охватываемом визуально, а потом, при погружении в него, постепенно детализируемом образе является уникальным творением древнерусской богословской мысли.

И вот представьте себе, что даже в самом глухом селе, занесенном снегом, где-нибудь на Севере Руси, простые крестьяне, приходя в храм, могли созерцать образы важнейших парадигм мировой истории, христианского учения, человеческого спасения. Это была такая концентрация сокровенного, выраженного в эстетической форме духовного содержания, которую трудно себе представить и которая не была повторена. Поэтому разрушение храмов после Октябрьского переворота означало не только десакрализацию, но и деградацию населения, особенно сельского.

Принцип троичности проступает всюду, в том числе в устройении храма (паперть, трапезная, алтарь), который понимается как путь горнего восхождения. Через паперть, притвор – начало входа в храм, в трапезную, где расположено центральное место и откуда созерцается алтарь, святая святых, куда возможен доступ только священникам, творящим службу.

Идея Троицы получила на Руси самое разнообразное воплощение. Это не только богословская экзегеза, выраженная невербальными средствами, это и конкретная реакция на ереси антитринитариев, это и призыв к единству Руси, то есть налицо социальный, политический смысл, потому что устройство земли, державы, государства было для преподобного Сергия столь же важным, как служение учению Христа. Это и высокий нравственный смысл, потому что воззрением на Святую Троицу побеждались страх, ненавистная рознь между людьми, между разными сословиями и народами. Благодаря спасительному действию Святой Троицы Русь выстояла в тяжелейший период своего существования и победила на Куликовом поле.

Образ Троицы имеет глубокое антропологическое значение. В христианском учении, в отличие от современного сознания, путающего душу и дух, существовала четкая трихотомия тела, души, духа. Плоть, тело, соматическое начало (soma) выступает как материальный субстрат. Душа (psuhe) является носителем индивидуального психического начала, выражением того же индивидуализма тела, только в эмоциях, в аффектах, в страстях. Дух (pneuma) есть высшее

духовное начало, которое субординирует и организует человека. Сама же душа делится тоже на три части, как наставлял митрополит Никифор в послании Владимиру Мономаху, приуроченном к Великому посту. Это была не просто эпистолия одного частного лица, автора, к другому частному лицу, читателю. Это было послание главы Церкви главе государства, которое имело высокий назидательный смысл. Митрополит Никифор выделяет, согласно опять же эллинскому учению, три части души: (1) разумную, словесную, высшую, божественную; (2) яростную, эмоциональную, оргическую, дионисийскую; и (3) волящее начало, «желанное», как он говорит. И пользуется он тем образом, который, конечно, является переносом из античной мыслительной традиции, неизвестной на Руси, – образом колесницы, где возникший – словесное начало, два коня – конь желания и конь яростного чувства. Это мы видим в «Федре», «Федоне» и в других диалогах Платона³.

Надо сказать, что произведения, посвященные Троице, были широко распространены на Руси. Кроме икон, о которых уже было сказано, риз и окладов, коими они украшались, мы можем видеть мозаики, фрески, а также рельефы белого камня, как на Георгиевском соборе в Юрьеве Польском. Мы можем видеть и клейма на золоченых воротах Рождественского собора в Суздале и на панagiaх, книжных миниатюрах, священных сосудах и т. д. Когда образ Святой Троицы овладевал умами людей, они стремились использовать его в самых разных видах своей деятельности: и в художественном творчестве, и в мышлении, и в поступках, проектируя его из сознания, где он доминирует, на все аспекты бытия.

Образ Троицы проступает в древнерусском сознании, в древнерусской культуре, в древнерусском миропонимании. Как на одно из его проявлений можно указать на широко известную в разных интерпретациях доктрину «Москва – Третий Рим». Хотел бы изложить ту, которую считаю наиболее адекватной. Концепция *Roma aeterna* (Рима вечного) является не порождением русского гегемонизма, как иногда считают, а попыткой России вписаться в политическое, правовое, историческое пространство Европы, которая берет начало с эпохи Ивана III в конце XV века. Не Петр I развернул Русь к Европе, и даже не его отец Алексей Михайлович, который, воюя с Польшей, был полонофилом и любил польскую культуру, а именно со времени правления Ивана III, когда был пресечен южный вектор воздействия на Русь – со стороны Византии, после османского завоевания Константинополя в 1453 году⁴.

Южный вектор в русской истории и даже во всей европейской истории являлся доминирующим, поскольку древнейшие цивилизации находились на юге. Свет цивилизации, а потом и свет Христовой веры шел с юга на север через Балканы и Киевскую Русь. Когда этот вектор был пресечен, Русь вынуждена была развернуться на Запад. Данный поворот случился как раз во времена Ивана III, который женился на племяннице последнего византийского императора Софье Палеолог и взял герб – двуглавого орла, подражая не только Византии, но и Священной Римской империи Габсбургов, и пригласил итальянских масте-

ров из бывшего «Первого Рима» воздвигнуть «Третий Рим» на семи московских холмах. Московский кремль является наиболее впечатляющей архитектурной манифестацией концепции «Москва – Третий Рим», где соединились российское и европейское начала в едином синтезе, отображающем мощное державное величие⁵.

Таким образом, мы видим, как по-разному преломлялось в богословском, политическом, визуальном, эстетическом и иных смыслах учение о Троице в Древней Руси. Не буду распространяться о том, как это происходило в более позднее время, но хотел бы отметить, что наследие Древней Руси постоянно присутствует в российской истории и культуре, как бы мы к нему ни относились: пренебрежительно ли, как это было в XVIII веке; или с восхищением, как это было во времена славянофилов; или снова деструктивно – после революции; или опять с восторгом, как это происходит сейчас. У нас нет другой основы цивилизационного развития. Для нас Древняя Русь, как выразился в свое время академик Д.С.Лихачев, есть наша античность, наша опора, наша основа. Хотел бы только добавить, что Древняя Русь не находилась в изоляции от европейского культурного пространства, она была тесно связана и с Византией, и с Европой, не избежала и восточного влияния.

Мне кажется (возможно, многие со мной не согласятся, и пусть это будет предмет для дискуссии), что разделение христианства на три течения: православие, католицизм и протестантизм – произошло не по человеческому произволению, но по Божественному Промыслу, дабы в трех его ипостасях осуществлялась вся полнота христианства. Если православие акцентирует аскетическое, мистическое, монашеское умное делание, то католицизм пытается построить Вселенскую Церковь, духовный Рим, который повторил бы в духовном пространстве Рим прежний, где Папа Римский является верховным первосвященником, понтификом, как некогда римский император, и где монашеские ордена выступают как легионы, охраняющие систему. Протестантизм, на мой взгляд, представляет, в противовес этой организации сверху, движение снизу, которое возрождает дух ранних общин, обращение к Духу Святому, Который везде и всюду.

И мне кажется, что все наши противоречия, споры, разногласия являются мелкими и даже ничтожными перед бесконечностью Божественной благодати, явленной нам в Пресвятой Живоначальной Троице.

¹ *Епифаний Премудрый. Житие Сергия Радонежского* // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. М., 1981. С. 257–275.

² *Medieval Russian Culture* / Ed. by H. Birnbaum, M. Flier. Berkeley etc. 1984. P. 186.

³ *Послания митрополита Никифора*. М., 2000.

⁴ *Синицына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.)*. М., 1998.

⁵ *Кудрявцев М.П. Москва — Третий Рим: Историко-градостроительное исследование*. М., 1994.